
А. И. Алексеев

КРЕЩЕНИЕ КОСТЕЙ

(К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.)

Под 1044 г. в тексте Повести временных лет читается эпизод о перезахоронении останков сыновей Святослава князей Ярополка и Олега, погибших в междоусобной борьбе 972–980 г.¹ Эта летописная статья давно обратила на себя внимание исследователей, и его соотнесение с текстом статьи под 972 г. послужило основанием для предположения о том, что древнейшей части ПВЛ предшествовал начальный свод, который следует датировать временем ранее 1044 г. Но нас будет интересовать исключительно религиозный смысл этой заметки.

Как явствует из летописи, киевский князь Ярослав перезахоронил и крестил останки своих дядьев, умерших язычниками до официального принятия крещения. Комментаторами ПВЛ эпизод о крещении костей с религиозной точки зрения был обойден. С точки зрения канонического права это деяние рассматривается как недопустимое. 26 правило Карфагенского собора (397 г.) специально запрещает крещение покойника. «Положено да не дается евхаристия телам скончавшихся. Ибо писано есть: примите, ядите (Мф. 26. 26), но тела мертвых ни приять, ни ясть не могут. Такожде да не подвигнется невежество пресвитеров крестити скончавшихся уже»². Епископ Никодим отмечал в комментарии к этому правилу, что «этот обычай также был введен по религиозным побуждениям и вере, что крещение перерождает человеческое тело». В силу такой веры он был очень распространенным в первые века христианства и практиковался монтанистами. Судя по всему, это запрещение могло быть известно на русской почве уже в XI в.³ Исследователи склонны объяснять поразительный факт крещения костей особенностями рецепции византийского права на Руси в первые века христианства. Как правило, упор делается на возможность отсутствия на Руси митрополита в ситуации недавнего военного конфликта с Византией в 1043 г.⁴ Однако было бы ошибочным объяснять данную религиозную ситуацию ссылками на политические реалии или особенностями синтеза древнерусского христианства и язычества.

В богословской литературе обычай посмертного крещения описывался исключительно применительно к секте монтанистов⁵. Более поздние проявления этого обычая в историографии не анализировались. Уже любознательный австрийский посол Август Мейерберг обратил внимание на эту заметку и отметил, что русские, совершая обряд крещения костей, подобны монтанистам, осужденным церковью еще в VIII в. «Таково было отступление сына Владимирова Ярослава, который в 1044 г. хотел окрестить по осужденному еще до VIII обычая монтанистов кости своих дядей: Олега и Ярополка, идолопоклонников, погубленных двоекратным братоубийством»⁶.

В последнее время к изучению данного эпизода обратились два исследователя, изучавших династические и культурные связи Руси и стран Западной и Северной Европы в период раннего средневековья. А. В. Назаренко попытался рассмотреть этот сюжет под углом династических связей Руси с Оттоновской империей⁷. Проанализировав внешнеполитические акции императора Оттона в отношении Руси, он, в частности, предположил, что крещение костей Ярополка следует объяснять тем, что он являлся христианским правителем. Ситуация посмертного крещения получила при этом

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. С. 155.

² Правила православной церкви. С толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. II. СПб., 1912 (репринтное изд. М., 1994. С. 163).

³ Шапов Я. Н. О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 208–212; Шапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. 1971. Т. 31. С. 73.

⁴ Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 44–45.

⁵ Dinkler E. Totentaufe // Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 1962. Bd. 6. S. 958.

⁶ Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. История Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX в. М., 1997. С. 69.

⁷ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей в IX–XII в. М., 2001. С. 350–390.

следующее объяснение: «Возможно, к этому времени воспоминания о христианстве Ярополка были смутны в деталях, а предполагаемая нами запись в церковном помяннике не содержала ничего, кроме имени и даты смерти.»⁸ В данном случае очевидна параллель со знаменитым «Вопрошанием Кирика», в тексте которого на явно актуальный в первые века христианства на Руси вопрос, как поступать с человеком, который не ведает: крещен ли он, дается ответ, что если не будет послухов, то следует его крестить⁹. Комментируя это высказывание, Ф. Б. Успенский заметил, что «если же предположить, что крещение Ярополка было настолько тайным, что осталось неизвестным его племяннику, то этот факт — безусловно интересный с точки зрения русско-немецких отношений 70-х годов X в. — попросту не существует в культурном пространстве XI в. и никак не объясняет странности летописного свидетельства 1044 г.»¹⁰ Исследователь предложил рассматривать эту статью в контексте религиозности стран, сравнительно поздно принявших крещение. Чрезвычайно плодотворным оказался опыт применения сравнительного подхода на материалах Руси и Скандинавии.

В поисках объяснения этого феномена Ф. Б. Успенский указал на характерную для недавно принявших христианство стран практику двух этапов крещения, первый из которых составлял обряд оглашения (*prima signatio*). Ранее уже предпринималась попытка описать оглашение в качестве предварительного, но имеющего самостоятельное значение акта на древнерусском материале¹¹. По мнению Ф. Б. Успенского, крещение останков может объясняться тем, что «для ближайших потомков оглашенных их предки в некотором смысле “не успели” креститься». В таком случае «христианин Ярослав Мудрый окрестил кости своих дядьев, как бы завершая их однажды начатое приобщение к христианской церкви, заодно продлевая тем самым вглубь христианскую историю своего рода»¹². Возможность того, что Олег и Ярополк могли принять оглашение при дворе их бабки княгини Ольги, допускал уже преосвященный Макарий (Булгаков)¹³. Действительно, практику последовательного принятия крещения посредством двух этапов, первый из которых составляло оглашение, можно проследить и на материале русских источников. Например, псковский летописец под 1341 г., рассказывая о приезде в Псков сына Ольгерда князя Андрея, отмечает, что он оглашен, но не принял крещение («и приведе Ольгерд с собою сына своего Андрея, тамо бо бьшет имя ему молитвенное, а еще бе не крещен») ¹⁴. О крещении князя Андрея в Троицком соборе Пскова летописи сообщают под тем же годом¹⁵.

Слабость предложенной гипотезы заключается не только в том, что отсутствуют доказательства в пользу того, что сыновья Святослава могли принять оглашение при жизни. Стоит добавить, что христианство Ярополка крайне сомнительно и по той причине, что он был женат на монахине, привезенной его отцом Святославом из похода на Византию¹⁶. Главное, против чего стоило бы возразить, — это то, что, даже, допустив факт *prima signatio*, мы не получаем удовлетворительного объяснения феномена посмертного крещения. По справедливому замечанию В. Я. Петрухина, «предположение об “оглашении” этих князей не снимает проблемы неканоничности этого акта — ведь князья были перезахоронены по язычески, под курганами»¹⁷. Нам представляется, что факт крещения костей не должен сводиться к констатации каноничности или неканоничности того или иного акта, он должен быть рассмотрен в более широком контексте религиозности раннего средневековья.

Отличительной особенностью религиозности раннего средневековья являлся религиозный оптимизм, в основе которого прослеживается уверенность в собственном спасении¹⁸. Применительно к

⁸ Там же. С. 389.

⁹ РИБ. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 62.

¹⁰ Успенский Ф. Б. Скандинавы, Варяги, Русь. М., 2002. С. 166.

¹¹ См.: Арранц М. Чин оглашения и крещения в древней Руси // Символ. Июнь. 1988. Т. XIX.

¹² Успенский Ф. Б. Скандинавы. С. 150.

¹³ Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. М., 1995. Ч. 2. С. 59.

¹⁴ ПСРЛ. 2000. Т. V. Вып. 2. С. 95; ср. с известием Псковской 2-ой: Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 127, 527.

¹⁷ Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ, князья, религия. М., 2000. С. 291.

¹⁸ В западной медиевистике изучению феномена религиозного оптимизма посвящено большое количество литературы. В данном случае сошлемся на получившую широкую известность в России работу Ф. Арьес (Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992).

Древней Руси эта ситуация лишь обозначена в качестве проблемы¹⁹. На страницах летописей XI–XIII в. нередки моменты, когда князья в минуты опасности обращаются просьбой молитвенного заступничества к своим предкам. Так, Ярополк Владимирович взывает в молитве к своему отцу — Владимиру Мономаху²⁰, сын Юрия Долгорукого Михалко избавляется от неминуемой смерти «молитвами отца его»²¹, Александра Невского спасает от тяжелой болезни молитва отца его Ярослава²². Факты молитвенного обращения к умершим родичам, которые никогда не были канонизированы, принято было объяснять живучестью языческих представлений, связанных с культом рода²³. Однако, как убедительно показал С. В. Сазонов: «Мертвые видятся летописцам и их современникам в молитвенном предстоянии Богу, в положении, которое позже становится привилегией только официальных святых»²⁴. Посмертные панегирики русским князьям в летописях в рассказе об их кончине используют ветхозаветный фразеологизм — «и приложися к отцам своим и дедам своим», таким образом, по выражению исследователя, русский княжеский род уподобляется роду праведных ветхозаветных царей²⁵. Раз принявшие христианство при жизни после смерти могли почитаться в качестве святых, то участь умерших в язычестве предков могла быть изменена актом посмертного крещения.

Ближайшую аналогию действиям Ярослава Мудрого можно указать в истории Скандинавских стран. В высшей степени замечательными следует признать результаты археологических исследований Еллингского комплекса. При вскрытии кургана с захоронением языческого конунга Горма было обнаружено, что погребальная камера пуста при отсутствии следов позднейшего ограбления. Было установлено, что вскоре после погребения имел место факт переноса останков Горма из курганного погребения в близлежащую церковь²⁶. Таким образом, конунг-христианин Харальд Синеволосый позаботился о посмертном приобщении к христианству своего умершего в язычестве отца.

Факты такого рода, известные на материале скандинавских археологических и письменных источников, позволяют предположить, что процедуре перезахоронения в церкви или в освященной по христианскому обряду земле предшествовала практика крещения останков, извлеченных из языческих погребений²⁷. При желании некоторую каноническую опору для крещения останков можно усмотреть в 45 правиле Карфагенского собора: «Болящие, которые за себя отвецати не могут, да будут крещаемы тогда, когда по их изволению, изрекут свидетельство о них другие, под собственную ответственность»²⁸.

Мы можем только предполагать, какие действия были произведены над останками Ярополка и Олега при крещении²⁹. С большой долей вероятности следует допустить, что необходимыми элементами этого акта являлись освящение крестным знаменем, кропление святой водой, чтение соответствующих молитв. В таинстве крещения воде и Святому Духу принадлежит главная роль. В греческом номоканоне Мануила Малаксы, который принято относить к числу памятников поствизантийского права, восходящему, однако, к древним источникам, этому посвящена глава 86. «Человек двойствен, состоит

¹⁹ См. об этом: *Никольский Н. К.* О древнерусском христианстве // *Русская мысль*. 1913. № 6; *Приселков М. Д.* Борьба двух мировоззрений // *Россия и Запад. Сборник статей в честь ак. С. Ф. Платонова*. Пг., 1923; *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV—начала XVI в. СПб., 2002. С. 56–58; и др.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 290.

²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 360, 363; Т. II. Стб. 558.

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 471.

²³ *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XII в. // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 84–104.

²⁴ *Сазонов С. В.* «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV в. // *Россия в X–XVIII в. проблемы истории и источниковедения*. М., 1995. С. 512.

²⁵ *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. Народ, князья, религия. С. 255.

²⁶ *Krogh K. J.* The Royal Viking Age Monuments at Jelling // *Acta Archaeologica*, 1982 (1983). Vol. 53. P. 183–216; *Andersen H.* The graves of the Jelling Dynasty // *Acta Archaeologica*, 1995. Vol. 66. P. 281–299; *Роздаль Э.* Мир викингов. СПб., 2001. С. 146. Выражаю признательность Е. А. Мельниковой за ценную консультацию по этому вопросу. Ф. Б. Успенский также описывает этот сюжет, но оставляет его на периферии исследования. Между тем факт перезахоронения несомненного язычника Горма в церкви практически упраздняет гипотезу о *primo signatia* как о необходимой предпосылке посмертного крещения. (Ср.: *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. С. 143, 155–156, прим. 84–87. Там же литература предмета).

²⁷ *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. С. 143–145.

²⁸ *Правила православной церкви*. Т. II. С. 193.

²⁹ Согласно данному лексикографии глагол «крестити» («крещати») мог употребляться в трех значениях. Во-первых, это собственно совершать церковный обряд крещения, во-вторых, воспринимать крещаемого от купели, в-третьих, осеять крестным знаменем (См.:

из тела и души. Поэтому и Христос даровал людям двойное действие крещения. С одной стороны, вода, которая освящается молитвами священника и прелгается во очищение тела. С другой — Дух Святой невидимо снисходит от Бога посредством чистой веры»³⁰. Важность крещения состоит в том, что «до того, как человек крестится, небеса для него закрыты всегда, пока он не примет крещения»³¹. Магический характер веры в силу сакральных ритуалов и освященных предметов в средневековом христианстве решительно преобладал. В качестве примера можно привести восприятие в народной среде акта крещения, который согласно распространенному в средневековье мнению гарантировал от опасностей утонуть или быть съеденным волками³². В то же время осознание акта веры как индивидуального религиозного выбора оставалось чуждым Средневековью. Если дети могли быть крещены по вере родителей (а народ по воле князя и дружины), то умершие в язычестве предки могли быть крещены по воле потомков. Осознание этого обстоятельства лицами, принявшими крещение, неизбежно приводило их к стремлению позаботиться об обеспечении душ своих ближайших родичей, умерших в язычестве. В эпоху интенсивного проникновения христианских понятий в сознание язычника акт принятия крещения часто откладывался до удобного момента. Если же такого язычника настигала внезапная смерть, то в глазах его родичей христиан это не служило препятствием для посмертного крещения.

В приводимом Ф. Б. Успенским комментарии к «Саге об Эйрике Рыжем» описывается способ погребения христиан, умерших в отсутствие священника. В такую могилу вбивался столб, который вынимался по приезде священника, а в оставшуюся дыру вливали святую воду и совершали отпевание. Известно, что подобная практика погребения была распространена в Норвегии и Исландии³³. Нам представляется, что данный способ посмертного отпевания (с частичным изменением смысла) мог применяться ранее к погребениям язычников, останки которых крестили по желанию их родственников. Не следует приписывать эту практику всецело язычеству скандинавов и славян. В подтверждение укажем правило Номоканона Котелерия. «Если кто умрет не приняв христианство, в течении двух лет оставшиеся в живых должны совершить 24 литургии и отдать 100 поклонов»³⁴. В другой статье этого номоканона говорится о необходимости вылить 40 ведер воды на могилу умершего без покаяния³⁵. Как видим, даже акт личного крещения считалось возможным заменить посмертными литургиями и обрядами. Вера в то, что после смерти человека освященная вода содействует облегчению его участи, продолжала существовать весь период Средневековья. Элементы этой веры могут быть прослежены на материале погребений некрещеных детей. Их погребали часто параллельно внешним обводам церковных стен с тем расчетом, чтобы дождевая вода, скатываясь по церковной кровле освящалась и капала в их могилы³⁶.

Неотъемлемым элементом таинства крещения наряду с окроплением водой является обряд изгнания дьявола (экзорцизм)³⁷. Значение этого обряда состоит в освобождении как души, так и тела язычника от власти дьявола. Известно, что в обряде изгнания дьявола из бесноватых большое значение придавалось обмыванию святой водой. Нельзя исключать и другого мотива заботы о посмертном крещении ближайших родственников, каким мог выступать страх перед духами мертвых. В раннем средневековье духи мертвых нередко тревожили живых, требуя от них молитвенной

Словарь русского языка XI–XVII в. М., 1981. Вып. 8. С. 42–43, 52). Зафиксирован также случай (Четвероевангелие 1144 г.) употребления слова «крещение» в значении омовение, обмывание (См.: там же. С. 52).

³⁰ Герд Л. А. Незданные главы о крещении из Номоканона Мануила Малаксы // Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Ученые записки. М., 2000. Вып. 5. С. 149.

³¹ Там же. С. 150.

³² См.: Э. Ле Руа Ладюри. Монтаю. Окситанская деревня (1284–1324 г.). Екатеринбург, 2001. С. 366 и др.

³³ Успенский Ф. Б. Скандинавы. С. 157.

³⁴ Ecclesiae Graecae monumenta. J. B. Cotelerius. T. I. Paris, MDCLXXVIII. Nomocanon. St. 438.

³⁵ Ibid. St. 268, 279, 323.

³⁶ См.: Illi M. Begräbnis, Verdammung und Erlösung. Das Fegefeuer im Spiegel der Bestattungssitten // Jezler P. Himmel, Hölle, Fegefeuers. Das Jenseits im Mittelalter. Katalog einer Ausstellung. Zürich, 1994. S. 59–68.

³⁷ Dölger F. J. Der Exorzismus im altchristlichen Taufritual. Paderborn, 1900.

заботы³⁸. А ведь Олег погиб в междоусобной войне со своим братом Ярополком, который в свою очередь пал от руки воинов Владимира. Грех братоубийства следовало искупить христианской заботой об устроении душ убитых. В этом отношении стремление сына Владимира Ярослава примирить души своих дядей и отца выглядит вполне объяснимым.

Вероятно, помимо обряда крещения останков по князьям Ярополку и Олегу были отслужены литургии. Но каких-либо следов того, что на Руси в литургическом употреблении уже в первой половине XI столетия (тем более ранее!) находился синодик-помянник, не обнаруживается. Деление на Синодик в значении Чин Торжества Православия и синодик поминальный и благодарственный намечается в Византии не ранее XI в.³⁹ В. В. Дергачев указывает на список Обиходника ГИМ. Син. 330, в котором содержится приписка, свидетельствующая о том, что к Чину Православия на русской почве уже в конце XI в. «стали присовокуплять местные монастырские памяти»⁴⁰. Об этом же свидетельствует и ПВЛ под 1108 г., где говорится о внесении в синодик имени преп. Феодосия Печерского⁴¹. Но эти свидетельства относятся лишь к «благодарственной» части синодика, в которую никак не могли попасть имена умерших в язычестве сыновей Святослава.

В целом же, вследствие господства религиозного оптимизма заупокойные службы были скорее исключением в раннесредневековых обществах⁴². Если участь крещенных считалась обеспеченной, то заупокойные мессы в исключительных случаях могли преследовать цель избавления от мук ада язычников. Следует привести и примеры молитв об освобождении из ада. Первый пример такого рода — рассказ об освобождении св. Оттилией своего отца (VII в.). Наиболее известен сюжет о молитве папы Григория Великого за душу императора язычника Трояна⁴³. Средневековая схоластика в качестве предверий ада выделяла лимб ветхозаветных патриархов и лимб некрещенных младенцев. Обитатели этих лимбов были избавлены от мучений, но лишены возможности созерцать Божественную сущность. Православному богословию остались чужды схоластические дефиниции, но мотив облегчения загробной участи грешных душ был широко распространен в статьях четких сборников и в апокрифической литературе. К концу XVI в. из этих текстов формируется синодик литературный сборник⁴⁴.

Отмеченные феномены характерны для религиозности раннего средневековья, в котором господствовал дух религиозного оптимизма. С углублением христианизации и, не в последнюю очередь, с распространением эсхатологических идей религиозный фон меняется на пессимистический. В качестве обязательных элементов в состав ядра религиозной практики входят, помимо крещения, обязательная исповедь, покаяние, и другие таинства. На смену радостной уверенности в гарантированности спасения всем принявшим крещение приходит страх ада и представление об исключительной трудности спасения души. Летописное известие о крещении костей Ярополка и Олега начинает восприниматься вне породившего его контекста раннехристианской религиозности. В исторической науке XIX—XX столетий предпринимается ряд попыток разной степени изоэтрности согласовать это известие с требованиями канонов христианства.

³⁸ Наиболее яркие примеры содержатся в четвертой книге «Диалогов» папы Григория Великого, которые были широко распространены в Западной Европе и на Руси. Специальное исследование явлению духов умерших на западноевропейском материале посвятил Ж. К. Шмит (немецкий перевод: *Schmitt J. C. Die Wiederkehr der Toten Geister geschichten im Mittelalter. Klett-Cotta*).

³⁹ *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. М., 2001 (2-е издание). С. 88. Обзорную работу, в которой анализируются виды западноевропейских памятников поминальной практики см.: *Schuler P. J. Das Anniversar. Zu Mentalität und Familienbewusstsein im Spätmittelalter // Die Familie als sozialer und historischer Verband. Untersuchungen zu Spätmittelalter und zur frühen Neuzeit. Sigmaringen, 1987. S. 67–117.*

⁴⁰ *Дергачев В. В.* К истории русских переводов Вселенского синодика // *Дергачева И. В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII в. Мюнхен, 1990. С. 169.

⁴¹ Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 1. С. 187.

⁴² *Angenendt A.* Theologie und Liturgie der mittelalterlichen Toten-Memoria // *Memoria. Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter.* München, 1984. S. 156–161.

⁴³ *Jezler P.* Himmel, Hölle, Fegefeuers. Das Jenseits im Mittelalter. Katalog einer Ausstellung. Zürich, 1994. S. 286–287; 288–289; 292–293. См. также новейшее издание: *Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Подготовил Дидди К. М., 2001.*

⁴⁴ См. о нем: *Дергачева И. В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII в. Мюнхен, 1990.

